

Т. А. Воронцова¹

ФОРМИРОВАНИЕ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ СФЕРЫ «ЧУЖОЙ» В КОЛЛЕКТИВНОМ ЯЗЫКОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Концепт как ментальная сущность, представленная в значениях языковых единиц, включает весь опыт, который человек приобретает в процессе освоения окружающего мира.

Как отмечает Ю. С. Степанов, концептуальная оппозиция «свой–чужой» является одной из ключевых в национальном коллективном сознании². Именно в рамках этой оппозиции формируются объекты социальной агрессии, потенцирующие конфликтные ситуации в обществе³. Поскольку содержание концепта не исчерпывается словарным толкованием, то концепт, репрезентированный одной и той же языковой единицей, в разное время под влиянием внешних и внутренних факторов может оказываться на разных полюсах данной оппозиции. В коллективном языковом сознании такое изменение оценочного статуса концепта возможно лишь при условии его актуальности для всего общества в целом. Концепт как ментальный комплекс знаний и представлений о той или иной реальности может претерпевать изменения в коллективном когнитивном пространстве только при наличии экстралингвистической ситуации, делающей данный концепт значимым для всего социума. Другим важным фактором этого процесса является широкое отражение данного концепта в публичном дискурсе. Для того чтобы воздействовать на коллективное сознание, необходимо большое количество дискурсов и множество адресантов. Своеобразным «проводником» таких модификаций в первую очередь являются СМИ. Изменениям, как правило, подвергаются концепты, не обладающие конкретным содержанием и жесткой структурой. Чаще всего

они представляют собой либо концепт с «размытым» смыслом (например, *демократия*), либо концепт, обозначающий некое неисчисляемое множество лиц, объединенных каким-либо признаком (*чиновники*, *террористы*).

Одним из таких социально значимых в российском коллективном языковом пространстве в течение последнего десятилетия является концепт «*мигранты*».

До 1990-х годов концепт «*мигранты*» в российском языковом сознании существовал лишь как понятие. В малом академическом Словаре русского языка есть помета, свидетельствующая о терминологическом характере употребления слова: «*Мигранты* — истор., этногр. — мигрирующие народы, племена, слои населения»⁴. В большинстве толковых словарей русского языка второй половины XX века слово «*мигрант*» либо отсутствует, либо прямо соотносится со словом «*миграция*»: «*Мигрант* (< лат. *Migrans (migrantis)* — переселяющийся) — лицо, совершающее миграцию. | См. *иммигрант*, *эмигрант*»⁵. Как видим, понятие «*мигрант*», представленное в данных словарях, актуализирует только смысловой компонент «*переселение, перемещение*», а само слово как репрезентант данного концепта фигурировало преимущественно в научном дискурсе. Этот же смысловой компонент присутствует в концепте «*переселенцы*», который, в отличие от концепта «*мигранты*», представлен не только в научном, но и в других типах дискурса: бытовом, художественном, публицистическом. Ср.: «*Переселенец* — тот, кто переселяется, переселился или кого переселили на новое место, на новые земли»⁶. При этом вряд ли можно говорить об актуальности данного концепта для носителей русского языка применительно к советскому периоду. Как известно, граждане Советского Союза перемещались исключительно внутри страны, причем массовые перемещения происходили, как правило, под контролем государства (освоение новых территорий, народные стройки и т. п.). Для

¹ Профессор кафедры теории языка Челябинского государственного университета, доктор филологических наук. Автор ряда публикаций, в т. ч.: «Речевая агрессия: вторжение в коммуникативное пространство», «Речевая провокация в мужской и женской речи», «Государство — это не мы!», «Формирование объектов речевой агрессии в коллективном когнитивном пространстве», «Особенности полилогической коммуникации в публичном дискурсе» и др.

² Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. 3-е изд. М., 2004. С. 126.

³ Воронцова Т. А. Речевая агрессия: вторжение в коммуникативное пространство. Ижевск, 2006.

⁴ Словарь русского языка : в 4 т. М., 1985–1988. Т. 2. С. 266.

⁵ Современный словарь иностранных слов. М., 1992.

⁶ Словарь русского языка. Т. 3. С. 94.

обозначения участников таких процессов создавались специальные идеологемы: *герои народных строек, покорители целины* и т. п. Масштабные стихийные перемещения связаны только с периодом Великой Отечественной войны. Именно в этот период актуализируется концепт «*беженцы*» для обозначения людей, покидавших свое место жительства, спасаясь от бедствий войны. По этим причинам концепт «*переселенцы*» в языковом сознании советского периода не имел жесткой смысловой структуры и сохранял в качестве смыслового ядра исключительно «идею» переселения на новое место. Данная номинация использовалась (и используется) применительно к любому историческому периоду, вне связи с какими-либо географическими или этническими характеристиками. Синонимия номинаций «*мигрант*» и «*переселенец*» позволяет говорить об отсутствии экстралингвистических оснований для актуализации концепта «*мигранты*» в языковом сознании носителей русского языка вплоть до 1990-х годов.

Актуализация и последующее расширение концепта «*мигранты*» в российском языковом сознании произошли в конце XX века. Это было обусловлено такими процессами, как распад СССР и, как следствие, массовый исход русского населения из бывших советских республик из-за национальных проблем. Как правило, большинство таких переселенцев — это высококвалифицированные специалисты, интеллигенция (врачи, учителя, ученые, инженеры и т. д.), уезжавшие в Россию на постоянное место жительства. Данный процесс нашел свое отражение и в медиадискурсе, и в политическом, и в бытовом дискурсах. Анализ разных типов дискурса данного периода свидетельствует о том, что в российском языковом сознании конца XX века происходит трансформация концепта «*мигранты*». Не случайно в Толковом словаре русского языка конца XX века, в отличие от других толковых словарей, в определении понятия «*мигранты*» актуализируется прежде всего социальный смысл, и концепт «*мигранты*» в значительной степени сближается с концептом «*беженцы*». Об этом свидетельствует и почти полное совпадение словарных определений. Ср.: «*Мигранты* — люди, *вынужденные* (выделено нами. — Т. В.) покинуть свое место жительства в силу экономических причин, притеснений по национальному признаку, природных катастроф и т. п.». «*Беженцы* — покинувшие место своего проживания в результате неблагоприятных условий жизни (из-за стихийного бедствия, по политическим, расовым, религиозным и тому подобным причинам)»¹.

Контекстуальные условия употребления слова «*мигранты*» во всех видах дискурса свидетельствуют об отсутствии в данном концепте негативного оценочного компонента. На это указывают способы репрезентации данного концепта: мигранты — *вынужденные* переселенцы — беженцы. Более того, общий эмоциональный посыл контекстов, репрезентирующих данный концепт, — это сочувствие к мигрантам.

¹ Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / под ред. Г. Н. Складневской. СПб., 1998. С. 385, 78.

Таким образом, в 1990-е годы в ядерной зоне концепта «*мигранты*» оказываются следующие смыслы: а) этнический показатель — русские; б) причина переселения — дискриминация по национальному признаку; в) цель приезда — стремление к безопасности, стремление жить в привычной культурной среде, сохранив свой социальный и профессиональный статус; г) намерение жить в России постоянно. Все это позволяет говорить о том, что в 1990-х годах концепт «*мигранты*» в коллективном языковом сознании россиян ассоциируется со сферой «*свои*».

К началу XXI века массовое переселение русских с постсоветского пространства практически закончилось. Люди, приехавшие в Россию, так или иначе встраиваются в социум. В связи с этим концепт «*мигранты*» в том виде, в котором он существовал в коллективном сознании носителей русского языка в последнее десятилетие XX века, теряет свою актуальность. Однако в этот период экономическая ситуация в ряде стран ближнего зарубежья, в основном в республиках Средней Азии, способствовала тому, что в Россию в поисках работы стали приезжать коренные жители этих стран. Масштабность этого процесса, с одной стороны, обусловила сохранение концепта «*мигранты*» в числе социально значимых концептов, с другой — способствовала трансформации его содержания. Теперь в ядерной зоне данного концепта оказываются иные смысловые параметры. Во-первых, это этнический показатель — выходцы из Средней Азии или с Кавказа. Не случайно в медиаисточниках в качестве синонимов к слову «*мигранты*» могут употребляться слова «*азиаты*», «*кавказцы*», «*таджики*» и т. п. Во-вторых, *мигранты* — это люди, приехавшие в Россию на время с целью заработать деньги. Данный смысловой компонент реализуется, во-первых, за счет широко распространенного определения «*трудолюбивые мигранты*», во-вторых, за счет полной синонимии номинаций «*мигрант*» и «*гастарбайтер*». Лексема «*гастарбайтер*» широко представлена в российском дискурсе начала XXI века и репрезентирует те же смыслы, что и концепт «*мигранты*»: *гастарбайтеры* — это люди, приехавшие на заработки в Россию из бывших советских республик Средней Азии и Кавказа. Контекстуальное употребление данных номинаций позволяет говорить о том, что *мигранты* и *гастарбайтеры* — это способы обозначения одного и того же концепта. Например: «*Другие квоты — на привлечение трудовых мигрантов, прозванных в народе гастарбайтерами, — не изменились*» (<http://www.ntv.ru/>).

Такая трансформация ядерной смысловой зоны неизбежно повлекла за собой изменение периферии данного концепта. Однако если изменение ядерной зоны концепта связано с объективными социальными и политическими причинами, то на формирование периферийных смысловых зон существенное влияние оказывает публичный дискурс, в первую очередь СМИ. Такое воздействие особенно ощутимо, если данные смысловые зоны объединены негативной оценкой и отражают социально значимые реалии, которые находятся в сфере ключевых интересов всего общества

и связаны с угрозой безопасности, благополучию, здоровью и т. п. К числу таких смыслов можно отнести следующие:

а) *мигранты* пренебрегают цивилизационными правилами и нормами культуры. Так, в массовом сознании россиян уже закрепился многократно транслируемый СМИ поведенческий стереотип мигрантов: «... *мигранты на лестничных клетках и во дворах режут баранов, на балконах жарят шашлыки, а женщины, как привыкли у себя в кишлаках и аулах, ходят в магазин в халатах и тапочках*» (Экспресс-газета. 2011);

б) *мигранты* пренебрегают правилами гигиены, «везут» в Россию опасные инфекционные заболевания: «*Мигранты — резервуар туберкулезной инфекции*» (ИА REGNUM Новости); «*Мигранты привозят в Воронеж туберкулез, сифилис и СПИД*» (Блокнот. Главные новости Воронежа. 2013);

в) *мигранты* обладают низкой профессиональной квалификацией, поэтому не могут качественно выполнять работу;

г) *мигранты* нарушают закон, совершают преступления.

Наличие этих смысловых зон, потенцирующих негативную социальную оценку, сопровождается определенными смысловыми сдвигами внутри концепта,

что неизбежно влечет за собой негативизацию концепта в целом. Как писал М. М. Бахтин, «изменение значения есть, в сущности, всегда переоценка: перемещение данного слова из одного ценностного контекста в другой»¹. Постоянная и последовательная актуализация негативных оценочных смыслов в публичном дискурсе (прежде всего в дискурсе СМИ) фактически свидетельствует о том, что концепт «*мигранты*» из сферы «*свои*» перешел в сферу «*чужие*». Тот факт, что номинация «*мигранты*» активно используется исключительно в контексте с негативной модальностью множеством адресантов во множестве различных дискурсов, позволяет говорить о том, что в современном российском массовом языковом сознании данный концепт постепенно закрепляется как негативный стереотип, безусловно относящийся к концептуальной сфере «*чужой*». Особенностью процесса стереотипизации объективной действительности является известное упрощение, «сокращение этого фрагмента в процессе познания»². Будучи таким стереотипом, концепт «*мигранты*» становится объектом социумной агрессии и транслирует в массовое сознание установки и предубеждения, которые, в свою очередь, способны породить межнациональные и социальные конфликты.

¹ Волошинов В. Н. Слово в жизни и слово в поэзии // Бахтин М. М. Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. Статьи. М., 2000. С. 72–96, 439.

² Вепрева И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. Екатеринбург, 2002. С. 200.